

Голубцов А. П. К характеристике состояния просвещения на Москве в первой половине XVII столетия: [Речь перед защитой магистерской диссертации: Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891] // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 1. С. 97–106 (2-я пагин.).

Къ характеристикѣ состоянія просвѣщенія на Москвѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія *).

Ваше Высокопреподобіе! Милостивые Государи!

Предъ защитой сочиненія я желалъ бы остановить Ваше вниманіе на предметѣ старомъ, но для всѣхъ насъ, полагаю, не безынтересномъ, на складѣ и степени образованности велико-русскаго богослова первой половины XVII столѣтія, поскольку онъ сказался главнымъ образомъ въ религиозномъ спорѣ, бывшемъ предметомъ нашего изученія.

Въ церковно-исторической литературѣ первую половину XVII вѣка принято считать временемъ крайняго упадка просвѣщенія въ Московской Руси, когда у насъ не только не было общеобразовательныхъ школъ, книгъ и научно-образовательныхъ людей, но и училищъ грамотности было недостаточно, а лица, извѣстныя въ обществѣ своею ученостію, „азбукѣ едва умѣли, не знали, кои въ азбукѣ письма гласныя и согласныя, а родовъ и времени и лицъ и числъ — того и не поминай, священная же философія и въ рукахъ не бывала“. То была, говорятъ, такая пора въ жизни русской церкви, когда даже представители духовенства, московскія власти, честные архимандриты и премудрые протопопы кремлевскихъ соборовъ „божественная писанія точіѣ по чернилу проходили“, не разумѣли добрѣ читавшагося и пѣвшагося во святыхъ церквахъ, „не знали ни православія, ни кривославія“, не имѣли ясныхъ, раз-

*) Рѣчь, произнесенная исправл. д. доцента Академіи Александромъ Голубцовымъ 25 ноября 1891 года предъ защитой диссертациі: „Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны“.

дѣльныхъ понятій о предметахъ вѣры и обрядность признавали за догматику. „И невѣжество, самое полное невѣжество, по словамъ нашего высокопреосвященнѣйшаго историка, господствовало въ Московскомъ государствѣ не только между мірянами, но и среди духовенства, не только въ простомъ народѣ, но и въ высшихъ слояхъ общества. Не много находилось людей даже въ средѣ духовенства, которые любили заниматься чтеніемъ книгъ и обогащали свой умъ познаніями, а еще менѣе — такихъ, которые и сами рѣшались писать сочиненія“. Къ этой характеристикѣ состоянія просвѣщенія на Москвѣ въ первой половинѣ XVII в., ведущей свое начало отъ старца Арсенія Глухаго, имѣвшаго причины быть крайне недовольнымъ своими современниками и потому уже черезчуръ строго судившаго ихъ со стороны образованности, я позволю себѣ сдѣлать небольшое дополненіе или, лучше сказать, разъясненіе.

Пересматривая описанія нашихъ древнихъ книгохранилицъ, нельзя не замѣтить, что отъ первой половины XVII столѣтія дошло до насъ множество рукописей, содержащихъ въ себѣ, помимо обширной переводной и вообще заимствованной письменности, не мало историческихъ и богословскихъ произведеній, отмѣченныхъ литературною самостоятельностью. Изучая церковную жизнь даннаго времени, встрѣчаешься съ двумя серьезными, богословскими спорами, очень долго занимавшими умы самыхъ лучшихъ людей своего времени и вызвавшими рядъ сочиненій, которыя даже для современной богословской науки могли бы имѣть не только историческое, но и практическое значеніе. Все это показываетъ, что и русскимъ людямъ первой половины XVII вѣка нельзя совершенно отказывать въ расположеніи къ умственному труду, въ любви къ книжному почитанію, въ извѣстнаго рода познаніяхъ. Скажемъ болѣе. Рядомъ съ подлинно темной народной массой и отдѣльными личностями, стяжавшими себѣ своимъ невѣжествомъ историческую извѣстность, мы видимъ просвѣщенныхъ пастырей, которые не только мудро управляли церковію, поучая ввѣренный имъ народъ истинамъ спасенія и отражая лжеумствованія враговъ православія, но и являлись опытными совѣтниками въ дѣлахъ государственныхъ; видимъ плодovitыхъ авторовъ, не безъ успѣха пробовав-

шихъ свои силы въ разныхъ видахъ писательства, начиная съ историческихъ сказаній и повѣстей до церковно-гимнографическихъ произведеній включительно. Чтобы не быть голословнымъ, обращусь за доказательствомъ въ близкій всѣмъ намъ Троицкій монастырь, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ политической и церковной жизни Московской Руси первой половины XVII столѣтія. Здѣсь одновременно съ головщикомъ Логиномъ и уставщикомъ Филаретомъ, называвшими хитрость грамматическую и философство книжное еретичествомъ, мы находимъ преп. Діонисія, Авраамія Палицына, Арсенія Глухаго, Ивана Насѣдку, Симона Азарыша — все такихъ лицъ, которыя извѣстны въ нашей ученой литературѣ, какъ авторы замѣчательныхъ произведеній и образованные люди своего времени.

Но какъ же понимать эту образованность? въ чемъ сосредоточивали свой интересъ и къ чему стремились ея немногочисленные представители? При отсутствіи научнаго образованія, получаемого путемъ болѣе или менѣе систематическаго изученія разныхъ наукъ въ школахъ, и при незначительномъ числѣ даже училищъ для первоначальнаго обученія чтенію и письму, средствомъ къ развитію ума и приобрѣтенію познаній для велико-русскаго богослова первой половины XVII в., какъ и для предковъ его, служило чтеніе книгъ свящ. Писанія, преимущественно съ толкованіемъ, правилъ апостольскихъ и соборныхъ, писаній святыхъ отцевъ и учителей церкви, которыя почти всѣ уже извѣстны были тогда нашимъ предкамъ, житій святыхъ въ четьихъ-минеехъ и сборникахъ, патериковъ, торжественниковъ, сказаній или поученій отъ старчества, церковно-богослужебныхъ книгъ, сочиненій историческаго содержанія, какъ-то: налей, хронографовъ, родословій и лѣтописей; наконецъ чтеніе произведеній русскыхъ писателей и особенно юго-западной полемической литературы конца XVI и начала XVII столѣтія. Всю эту широкую область вѣдѣнія велико-русскій книжникъ первой половины XVII в., вслѣдъ за предками своими, называлъ общимъ именемъ „*божественныхъ писаній*“. Въ этихъ писаніяхъ онъ видѣлъ источникъ мудрости, изъ нихъ онъ заимствовалъ и ими подкрѣплялъ свои убѣжденія, къ нимъ онъ обращался за рѣшеніемъ вопросовъ богословскихъ, философскихъ, историческихъ и

политическихъ. Занимался-ли московскій ученый даннаго времени справой церковно-богослужебной книги, писалъ-ли онъ по поводу этого исправленія оправдательную рѣчь къ патріарху, вліятельному протопопу или знатному боярину, критиковаль-ли онъ произведеніе южно-русской и западно-европейской схоластики, выясняль-ли онъ причины и смыслъ страшныхъ событій смутнаго времени, хотѣль-ли онъ путемъ литературнымъ свою излюбленную мысль сдѣлать достояніемъ общественнаго сознанія, — все это онъ дѣлалъ не иначе, какъ по руководству божественныхъ писаній. Разбирая въ 1627 году учительное евангеліе Транквилліона, богоявленскій игумень Илія и ключарь Ивашъ Насѣдка сплосъ и рядомъ задаются однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „кто отъ святыхъ богословцевъ или богоносныхъ отецъ сице рече?“ и, не находя соотвѣтствія между разсужденіями проповѣдника и твореніями Златоустаго, Теофилакта Болгарскаго, Ефрема Сирина, Аѳанасія Александрійскаго, Ипполита Римскаго, Тимофея Іерусалимскаго и Палладія мпиха, замѣчаютъ, что „сего отъ святыхъ богословцевъ никтоже рече, ниже помысли, точію треокаянный Кирилль Трапквилліонъ“, что послѣдній своими рѣчами „творитъ брань апостоламъ, отмечается словесъ Христовыхъ“ и вообще „противно мудрствуетъ божественному писанію“. Семнадцать лѣтъ спустя, въ религіозномъ спорѣ съ лютеранскимъ пасторомъ, о. Ивашъ пользуется тою же аргументаціею „отъ божественныхъ писаній“ и зарекомендовываетъ себя отличнымъ знатокомъ послѣднихъ даже въ глазахъ пасторско-образованнаго придворнаго проповѣдника. На вопросъ пастора: „зачѣмъ Русскіе въ крещальной формулѣ говорятъ три аминя, когда въ евангеліи ни одного не написано?“ Насѣдка отвѣчаетъ, что „такъ положено отъ святыхъ отецъ“. Оправдывая свое крещеніе, пасторъ утверждалъ, что Предтеча, крещая Спасителя, черпалъ съ берега воду рукою и обливалъ ею Христа, стоявшаго по колѣна или по чресла въ Іорданѣ. „А гдѣ въ божественномъ писаніи о томъ написано?“ — допрашивалъ нашъ богословъ своего оппонента и, не дождавшись отвѣта отъ озадаченнаго противника, внушительно замѣчалъ: „и то ты говоришь, Матѳей (такъ звали пастора), не вѣдая, но по своему мнѣнію, ни свидѣтельства приводя отъ божественнаго писанія; мы же тебѣ отвѣтъ

скажемъ не сами собою, но отъ божественнаго писанія, якоже святіи апостоли и святіи отцы рекоша о Христовѣ крещеніи... И что есть тебѣ сего свидѣтельства достовѣрнѣйше?“ Позволяя себѣ и другимъ мудрствовать, писать и говорить подъ непремѣннымъ руководствомъ божественныхъ писаній, признавая послѣднія мѣриломъ истины, русскій богословъ начала XVII в. почти всѣ свои умственныя силы расходовалъ на то, чтобы овладѣть этимъ авторитетомъ, изучить божественныя писанія. И къ чести его нужно сказать, что онъ лучше насъ зналъ ихъ. Читая всѣ эти „списанія, изложенія и собранія отъ божественныхъ писаній“ московскаго книжника интересующаго насъ времени, то и дѣло встрѣчаешься съ цитатами изъ Библии, святоотеческихъ твореній, церковно-богослужебныхъ книгъ и обширной агіографической и историко-канонической литературы того времени. Изучая внимательно эти произведенія, отталкивающія отъ себя читателя беспорядочностію изложенія и скудоностію живыхъ идей, научныхъ выводовъ и обобщеній, поражаешься богатствомъ и разнообразіемъ религіозныхъ знаній ихъ авторовъ и невольно начинаешь измѣнять взглядъ на тѣхъ, которыхъ привыкъ считать круглыми псевждами. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ первой половинѣ XVII в. церковно-богословскій духъ былъ какъ-бы кровію, которая текла въ жилахъ православнаго русскаго богослова.

Вращаясь преимущественно въ церковно-богословской сферѣ и поставляя „божественная писанія“ исходнымъ началомъ и нормой при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, русскій богословъ начала XVII вѣка сначала осторожно и нерѣшительно, потомъ болѣе смѣло и открыто сталъ заглядывать въ область виѣшней человѣческой мудрости, которую его предки и громадное большинство современниковъ не интересовались, къ которой они относились даже педовѣрчиво. Среди рукописей, уцѣлѣвшихъ отъ первой половины XVII в., весьма нерѣдко встрѣчаются переводы философіи и грамматики Іоанна Дамаскина, азбуковники, алфавиты или лексисы иностранныхъ рѣчей, риторики и космографіи. Разумѣется, всѣ эти книжки писались и переносывались въ свое время потому, что на нихъ былъ спросъ, были лица, ими интересовавшіяся. Въ примѣръ такихъ любознательныхъ людей укажемъ преп. Діонисія и лицъ, подлѣ него нахо-

дившихся. Основательно изучивши „божественная писанія“, особенно творенія Златоустаго, Діонисія Ареопагита, Григорія Богослова и Іоанна Дамаскина, и вообще принадлежа по характеру своего образованія древней Руси, пресп. Діописій въ своей оправдательной рѣчи ко всѣмъ православнымъ христіанамъ ясно высказываетъ и настойчиво проводитъ мысль о томъ, что *„достойно съ разумомъ всего сыскивати“*, что не слѣдуетъ останавливаться на буквѣ писаній, нужно вникать въ ихъ внутренній смыслъ. Обладая здравымъ умомъ, онъ не прочь самъ сомнѣваться въ правильности святоотеческихъ толкованій на евангеліе, опасается, какъ бы не утвердить своей мысли „на пагихъ словесѣхъ“, не оставить своего положенія не доказаннымъ. Чтобы раскрыть неумѣстность прилога: „и огнемъ“ въ молитвѣ водоосвященія на Богоявленіе, вмѣстѣ съ выдержками изъ богослужебныхъ книгъ и отеческихъ писаній онъ приводитъ соображенія раціональныя и обнаруживаетъ при этомъ близкое знакомство съ философіей Дамаскина. Сотрудники и подчиненные знаменитаго архимандрита, усвоивши его взгляды и приемы доказательствъ, въ приобрѣтеніи свѣтскихъ знаній пошли дальше своего начальника. Старецъ Арсеній Глухой, усердно работавшій надъ своимъ самообразованіемъ, „многжды въ мысленныхъ трудѣхъ и потовѣхъ проходить о осмихъ частехъ слово“, то есть грамматику Дамаскина, находитъ ее *„прелюбезнѣйшею паче иныхъ священныхъ книгъ“* и наконецъ въ совершенствѣ овладѣваетъ грамматическою хитростію, о чемъ свидѣлствуютъ образцовый для XVII в. языкъ его посланій и довольно вѣрные сужденія этимологическаго и даже филологическаго характера. Познакомившись со священной философіей, Арсеній приходитъ къ тому заключенію, что безъ нея, какъ и безъ знанія грамматики, „никтоже можетъ право разсудити не точию въ божественныхъ писаніихъ, но и въ земскихъ дѣлахъ; аще и прироженіемъ разуменъ будетъ, много имать погрѣшити“... Словесное художество и священная философія для человѣка образованнаго имѣютъ, по нему, такое же значеніе, какое сѣкира и тесла — для плотника, пожницы, аршинъ и иглы для портнаго. „Пособникъ, собесѣдникъ и спострадатель“ пресп. Діонисія, о. Иванъ Пасѣдка, при своихъ обширныхъ свѣдѣніяхъ въ богословской и истори-

ческой литературѣ, точно также знакомъ былъ съ грамматическими и философскими сочиненіями Дамаскина. Схоластическая и притомъ не всегда благонамѣренная діалектика, замѣчаемая въ полемическихъ произведеніяхъ о. Ивана, грамматическія и стилистическія поправки, которыя онъ любилъ дѣлать въ трудахъ другихъ лицъ, и наконецъ прямыя данныя убѣждаютъ насъ въ томъ самомъ положительномъ образомъ. Не даромъ Симонъ Азаринъ называлъ Насѣдку „*мудрѣйшимъ* и *хитрословеснѣйшимъ*“. Объ Антоніи Подольскомъ, литературномъ врагѣ трехъ пазванныхъ личностей, ратовавшемъ за прибавку „и огнемъ“ въ богоявленской молитвѣ, извѣстно также, что онъ публично хвалился своимъ знаніемъ грамматики и діалектики и говорилъ, что никто такъ совершенно не знаетъ этихъ наукъ въ Россіи, какъ онъ. И эта похвальба не была пустымъ хвастовствомъ. Сочиненія Подольскаго обнаруживаютъ въ немъ писателя съ дарованіями, серьезнымъ образованіемъ и съ сильно развитою діалектикой. Въ словахъ „о пьяцствѣ“ и „о царствіи небеснѣмъ“ выступая заправскій риторъ, ставящій на первомъ планѣ „плетеніе словесъ“ и вообще искусственность формы, проглядываетъ витія, способный убѣдительно говорить и писать проповѣди для людей, подчиняющихся чувству и громкой фразѣ. Но таковы именно и были наши предки первой половины XVII вѣка, „искавшіе красивыхъ глаголовъ“, любившіе все читать въ „мудростномъ, витійномъ“ и вообще „благохитростномъ“ изложеніи. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ достаточно, намъ кажется, объясняется то любопытное явленіе, что наука „о украшеніи слова“, риторика съ пѣтикой, раиѣ другихъ словесныхъ наукъ сдѣлалась извѣстною московскимъ книжникамъ и съ перваго же раза нашла у нихъ радушный пріемъ. Почти всѣ литературные дѣятели первой половины XVII в. старались писать возможно красивѣе; болѣе видныя и крупныя изъ нихъ, напримѣръ, князья: Шаховской, Катыревъ-Ростовскій и Хворостининъ, Иванъ Насѣдка, Антоній Подольскій, Симонъ Азаринъ, Арсеній Сухановъ занимались даже стихотворствомъ и оставили послѣ себя нѣсколько опытовъ рюемованныхъ стиховъ. Конечно, эти первыя русскія вирши не могутъ идти въ сравненіе съ превосходными образцами торжественной лирики Симеона Полоцкаго, но

то намъ кажется безспорнымъ, что онѣ должны быть признаны ранними предвозвѣстниками метровъ этого юго-западнаго выходца.

Занятія выдающихся московскихъ книжниковъ священной философіей и словесными науками являлись нагляднымъ выраженіемъ новаго *научнаго* направленія великорусской образованности, были слабымъ началомъ того умственнаго движенія, которое было вызвано событіями нашей гражданской и церковной жизни въ началѣ XVII столѣтія, особенно усилилось въ 40 — 50-хъ годахъ его и окончательно развилось потомъ подъ юго-западнымъ вліяніемъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка это умственное движеніе не было настолько сильно, чтобы всецѣло овладѣть московскимъ богословомъ, измѣнить его традиціонную фізіономію, т. е. совершенно передѣлать стараго нашего пачетчика въ настоящаго южно-русскаго ученаго. Въ преніяхъ о вѣрѣ съ датчанами великорусскій богословъ продолжаетъ высматривать все тѣмъ-же древне-русскимъ книжникомъ, владѣющимъ большимъ запасомъ разнородныхъ, преимущественно церковно-богословскихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ книгъ большею частію безъ какого-нибудь заранѣе выработаннаго плапа, свѣдѣній — разновременно добытыхъ, не освѣщенныхъ одною руководящею идеею, не приведенныхъ въ систему, критически не провѣренныхъ и по достоинству не оцененныхъ. Московскій ученый 40-хъ годовъ XVII столѣтія еще не всегда строго различаетъ истинное отъ сомнительнаго, несомнѣнно подлинное отъ подложнаго; въ апологетико-полемиическихъ трактатахъ его рядомъ съ библейскими книгами и отеческими твореніями подъ именемъ святыхъ, богодухновенныхъ писаній цитуются иногда произведенія южно-русскихъ авторовъ, даже апокрифическія статьи, которымъ усвоится важность и значеніе, одинаковыя съ первыми. Познакомившись съ грамматикой, риторикой и діалектикой, московскій богословъ все еще продолжалъ заносить въ реестръ „еретическихъ книгъ, ихъ же не подобаетъ чести и держати православнымъ христіаномъ“, наряду съ чаровникомъ и путникомъ, астрономію и геометрію. Не искусившись въ языкознаніи, не умѣя по-гречески, по-нѣмецки и по-латынски, по временамъ онъ не понимаетъ настоящаго смысла священной книги и на превратно истолкованномъ священномъ текстѣ

основываетъ свое, разумѣется, неправильное мнѣніе. Малообразованный, недостаточно развитый умственно и вообще не подготовленный къ воспріятію религіозныхъ идей съ отвлеченнымъ содержаніемъ, великорусскій богословъ первой половины XVII вѣка въ богословскихъ спорахъ, какіе ему приходится вести, чаще всего говорить о церковныхъ дѣйствіяхъ и обрядахъ, съ любовью останавливается на внѣшнемъ обнаруженіи религіи, какъ на сферѣ болѣе доступной его пониманію. Не рѣдко изъ-за обрядовой мелочи онъ поднимаетъ серьезный богословскій споръ, въ которомъ старается представить еретикомъ своего противника, не удостоиваетъ выслушать его доводовъ, перебиваетъ слова, бросается туда и сюда, безъ всякаго порядка, необдуманно выливаетъ все, что взбредетъ ему на умъ, словомъ, готовъ положить душу свою за какую-нибудь маловажную, на нашъ взглядъ, обрядовую особенность. Такое напряженное сосредоточеніе вниманія московскаго книжника на обрядовыхъ вопросахъ и предметахъ, при недостаточности серьезнаго умственнаго труда, притупляло самую мыслительность, способность пониманія его, а ослабленіе силы мысли и разумѣнія въ свою очередь порождало въ немъ самоувѣренность, безотчетное упрямство въ своихъ мнѣніяхъ, презрѣніе къ словамъ и сужденіямъ другихъ. Все это конечно говорить о невысокомъ уровнѣ образованности московскаго богослова первой половины XVII в., но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что все это такіе грѣхи, которые водятся и за современными русскими богословами.

Вотъ то дополненіе, которое я желалъ-бы сдѣлать къ существующей съ давняго времени и хорошо всѣмъ теперь извѣстной характеристикѣ состоянія просвѣщенія на Москвѣ въ первой половинѣ XVII вѣка. Это дополненіе есть одно изъ впечатлѣній, выписанныхъ мною изъ изученія вѣроисповѣднаго спора, возникшаго въ 1644 — 1645 году между православными русскими богословами и пріѣзжимъ лютеранскимъ пасторомъ, — одна изъ сторонъ, съ которыхъ можетъ этотъ споръ представлять интересъ для церковнаго историка. Пайдутся въ нашихъ препіяхъ о вѣрѣ и другія стороны, не безынтересныя, полагаемъ, для лицъ, занимающихся, напримѣръ, исторіей догмата на Руси, расколомъ старообрядства и другими науками. Всѣ эти стороны, все

важное и любопытное въ томъ или другомъ отношеніи, по мѣрѣ знаній своихъ, я пытался отмѣчать въ сочиненіи, поставляя своею главною задачею по возможности ближе узнать то, что „было и былью поросло“, по прекрасному выраженію пародной поэзіи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что то, „что будетъ, будетъ не по старому, а по новому“. Насколько удовлетворительно воспроизведена мною исторія преній о вѣрѣ въ связи съ дѣломъ королевича Вальдемара, ихъ вызвавшимъ, судить объ этомъ предоставляю людямъ компетентнымъ и прежде всѣхъ другихъ моимъ высокоуважаемымъ наставникамъ и оппонентамъ, Евгенію Евсигнеевичу Голубинскому и Василю Осиповичу Ключевскому, которымъ свидѣтельствую теперь мою глубокую благодарность за всѣ тѣ добрые совѣты и указанія, которые въ разное время ими были мнѣ даны.

Александръ Голубцовъ.
